

Миссия РПЦЗ и Катакомбная церковь – историческая ретроспектива развития взаимоотношений

Главной идеей настоящего доклада является тезис о том, что с самого начала ее основания в 1920 году, Русская Православная Церковь Заграницей оставалась на верном пути все то время, пока она признавала себя частью Истинной Российской Церкви в Отечестве и отвергала три вида искушений:

- А. Искушение участия в экуменизме, приходящее извне Российской Церкви;
- Б. Искушение признать поддельную сергианскую церковь Советского Московского патриархата в качестве «Матери-Церкви» в Отечестве;
- В. Искушение признать себя главенствующей церковью над Истинной Церковью внутри России.

Я собираюсь поочередно исследовать каждое из упомянутых искушений, оценивая их с исторической точки зрения.

А. Искушение участия в экуменизме

Поразительный факт, и при том совершенно определенно не простое совпадение – то, что высшая церковная власть Российской Церкви Заграницей сформировалась именно в то время и в том месте, где впервые в Православной Церкви официально была провозглашена ересь экуменизма – в 1920 году в Константинополе, поскольку в январе 1920 г. митрополит Дорофей, местоблюститель престола вселенского патриарха, издал документ, который по существу стал программным документом экуменизма. Данная энциклика адресовалась «Церквам Христа везде сущим» и заявляла, что «необходимо возродить и укрепить любовь между Церквами, которые являются не чуждыми друг другу, а родными и близкими во Христе, сонаследниками и сопричастниками обетования Божия во Христе». Далее в нем предлагалось несколько практических средств, способствующих объединению с еретиками, включая принятие нового календаря.

Беспрецедентный характер энциклики заключается в следующих фактах:

- Она была адресована не только Православным церквам, но и еретикам наравне с Православными, словно бы они все уже были равными «сонаследниками Господа во Христе».
- Предполагаемое сближение представлялось как происходящее не путем принятия еретиками Истины Православия и искреннего их покаяния и отречения от своих заблуждений, но другим способом;

- Предложение введения единого для всех календаря для совместного празднования праздников – в нарушение канонических правил Православной Церкви.

В энциклике нет упоминания единственно возможного с Православной точки зрения оправдания экуменизму - о той возможности, которую он предоставляет для проведения миссионерской работы среди еретиков. Напротив, одной из важнейших целей экуменического движения был и остается отказ от попыток прозелитизма по отношению к церквям, являющимся членами движения. С этого времени вселенский патриархат стал активным участником экуменического движения, направляющим своих представителей на экуменические конференции в Женеву в 1920, в Лозанну в 1927, и в Эдинбург в 1937 гг.

В тот же год, но чуть позже, в Константинополь прибыла флотилия судов, на борту которых находились тысячи русских эмигрантов и иерархи Высшего церковного управления (ВЦУ) Юга России, включая митрополита Антония (Храповицкого) и его заместителя, архиепископа Феофана Полтавского. 19 ноября на борту линкора, стоящего посреди пролива Босфор, ВЦУ провело свое первое заседание. Митрополит Дорофей согласился с решениями ВЦУ, и, таким образом, ВЦУ Юга России было преобразовано в Высшее Церковное Управление Русской Церкви Заграницей. Уже на следующий день, 20 ноября, Его Святейшество Патриарх Тихон в своем широко известном указе № 362 благословил образование подобных автономных Архиерейских Синодов, в случае, когда их общение с церковным центром стало невозможным. Таким образом, Русская Церковь Заграницей была основана в то же самое время и в том же самом месте, которое стало местом рождения экуменической ереси.

В течение шести месяцев по просьбе Российской Церкви Русский Синод Заграницей переехал в Сербию. Вселенский патриархат был разгневан этим переездом, поскольку он претендовал на то, что принял Русскую Церковь Заграницей в своё каноническое подчинение. Как бы то ни было на самом деле, можно рассматривать как промысел Божий то, что Русская Православная Церковь Заграницей (РПЦЗ) избежала подчинения откровенно экуменическому и еретическому патриархату.

Архиепископ Анастасий Кишиневский, 22-го ноября назначенный членом ВЦУ, проживал в Константинополе и таким образом сохранил отношения со Вселенским Патриархатом. А когда патриарх Мелетий ввел новый календарь на так называемом «Все-Православном соборе» 1923 г., он выступил против этого новшества. Он также предупредил патриарха Тихона, что новшество (все еще) не было принято другими Православными

Церквями, после чего Его Святейшество немедленно запретил любые попытки его введения в России.

В 1924 г. Вселенский патриархат в нарушение канонических правил захватил контроль над Польской и Финской Церквями, выведя их из-под юрисдикции Российской Церкви. В обеих Церквях был насильно введен новый календарь, что привело к преследованию тех российских христиан, которые отказывались принимать новшество, преданное анафеме; особенно сильная борьба возникла в Валаамском монастыре, куда российские исповедники высылались в Советской России и, вероятнее всего, обрекались на гибель в ГУЛАГе. Тем временем, патриархат вступил в общение с «Живой церковью» в России, преданной анафеме, - шаг, который патриарх Тихон осудил самым суровым образом.

Однако Московский Патриархат (*имеется в виду каноничный МП Патриарха Тихона, а не тот предательский, новый, который обычно понимают под МП*) не прекратил официального общения с греками; РПЦЗ последовала примеру Матери-Церкви и Сербского патриархата, на территории которого находилось ее Синодальное управление. Этот отказ от разрыва общения, возможно, мог быть оправдан на том основании, что в условиях замешательства, характерного для того времени, и в условиях жестокого преследования со стороны большевиков было невозможно собрать действительно представительный Собор, чтобы вынести осуждение еретикам-экуменистам и официально разорвать общение с ними. Однако это привело к тому, что сопротивление экуменизму разделилось. По одну сторону были сотни тысяч исповедников в Греции и Румынии, которые разорвали общение с обновленцами-новостильниками, считая, что они подпадают под действие анафемы против нового календаря, вынесенную Все-Православными Соборами 1583, 1587 и 1593 гг. По другую сторону были старостильные славянские Церкви России, Сербии и Болгарии, которые, осудив введение нового календаря, тем не менее, решили сохранить общение с новостильниками.

Не все члены славянских Церквей и РПЦЗ были согласны с позицией своих иерархов. Так, например, известно о горячем споре по этому вопросу между богословом архимандритом Феодосием из Карулии на горе Афон, и митрополитом Антонием. Второй иерарх РПЦЗ архиепископ Феофан также принял линию ревнителей греческих и румынских старостильников... Старостильники напрасно просили помощи у сочувствующих из официальных славянских Церквей. Например, лидер румынских старостильников иеромонах Гликерий сослужил с архиепископом Анастасием в Иерусалиме, но никакой дальнейшей помощи не получил. Повторно, в 1934 г., греческие старостильники попросили митрополита

Антония рукоположить для них епископов, но он отказался, сделав выбор в пользу сохранения отношений с греческими новостильниками, с которыми он оставался в общении. К счастью для греков, в следующем, 1935-м году, три епископа из официальной Греческой Церкви вернулись к старому календарю и возглавили движение старостильников. Только Сербский епископ Николай Велимирович помогал старостильникам, тайно пересылая им через границу в Грецию святое миро.

К концу 1930-х гг. наступил критический момент для того, чтобы РПЦЗ определила свою позицию по отношению к экуменическому мировому Православию. Однако продолжающаяся зависимость от Сербской Церкви, которая воздерживалась от резких действий, очевидным образом влияла на позицию русских иерархов. Можно сказать, что только в отношении Москвы РПЦЗ однозначно выступала против общения.

14 августа 1938 г. был созван Всезарубежный Собор РПЦЗ, состоящий из 13 епископов, 26 священников и 58 мирян. Собор отверг участие в экуменическом движении, но в то же время отказался окончательно разрывать общение с Церквями мирового Православия. Так, епископ Шанхайский Иоанн (Максимович) писал в своем отчете, озаглавленном «Состояние Православной Церкви после Великой войны»: «Мы (верующие РПЦЗ) должны твердо стоять на почве церковных канонов, а не оставаться с теми, кто отошел от них. Ранее для осуждения канонических нарушений в поместной Церкви каноническое общение с ней было разорвано. РПЦЗ не может поступать подобным образом, поскольку ее позиция не была окончательно определена. И поэтому она не должна разрывать общение с другими Церквями, если они первыми не пошли на этот шаг. Но, поддерживая общение, она не должна молчать о нарушениях правды Христовой...»

16 августа тем, что этот отчет был одобрен, Собор подтвердил, что де-факто он находился в общении с «нынешней иерархией отделившихся от Российской Церкви ее частей», в то же время подчеркивая, что «это отделение не является каноничным, пока то не решит Всероссийская церковная власть в свободных условиях». Он также выразил благодарность Сербской, Антиохийской и Болгарской Церквям за их поддержку РПЦЗ.

Таким образом, накануне Второй Мировой войны в РПЦЗ отношение к другим поместным Церквям все еще не было определено. Эта размытость позиции сохранилась и в послевоенный период. Хотя и редко, но имело место сослужение с иерархами мирового Православия.

И только в 1964-м году, с выборами нового первоиерарха, Митрополита Филарета, и вместе со снятием анафемы Вселенским патриархатом против Римского папства в 1965 г.,

ситуация начала меняться. Московский патриархат, находясь под давлением КГБ, вступил во Всемирный совет церквей (ВСЦ). Позже его примеру последовала Сербская Церковь, а в 1966-м году Патриарх Герман стал председателем ВСЦ.

С этими событиями отношение РПЦЗ к Сербской церкви начало меняться. Так, 14/27 сентября 1967 года Архиепископ Аверкий Джорданвильский писал Митрополиту Филарету: «В отношении вопроса Сербской церкви, чей патриарх Герман является ставленником коммуниста Тито, в чем убеждены и сами сербы, называя его «красным патриархом». Об этом мы слышали от многих клириков и мирян, бежавших из Сербии. Как мы можем признать, и сохранить общение в молитве с этим «красным патриархом», который поддерживает тесные дружеские связи с красной Москвой? Возможно ли, что наш Архиерейский Синод принимает *ошибочные* решения? Есть ли у нас в Православной Церкви догмат о *непогрешимости каждого Архиерейского собора?*».

Отношение владыки Аверкия к Сербской церкви подтверждается и Архиерейским Собором в резолюции с грифом «Совершенно секретно» от 19 мая/1 июня 1967 г. , в которой аннулируется резолюция Архиерейского Собора 1964 г. О сохранении молитвенного общения с иерархами Сербской Православной Церкви, и заявляется: «Предложение Его Высокопреосвященства Первоиерарха и Председателя Архиерейского собора Митрополита Филарета принимается, и подтверждается, что все преосвященные РПЦЗ должны воздержаться от сослужения с иерархами Сербской Православной Церкви».

В начале 1970-х митрополит Нью-Йоркский Филарет объявил членам Синода РПЦЗ, что, поскольку Сербский патриарх Герман выбрал служение в качестве председателя ВСЦ, РПЦЗ должна избегать совместной молитвы и служения с ним, в то же время, не привлекая к этому широкого общественного внимания. Тем не менее, общение с сербами продолжалось, поскольку многие священники и иерархи РПЦЗ выросли в Сербии, и в знак благодарности старались избегать осуждения или разрыва общения с сербами. Исключением стал только архиепископ Никодим Британский, который, несмотря на то, что долго жил в Сербии, теперь запретил своей пастве посещать Сербскую церковь.

До какой степени это отношение большинства к сербам было вызвано благодарностью, а до какой – страхом РПЦЗ потерять последнего друга из круга «Мирового православия», является вопросом спорным. Как бы то ни было, это противоречило канонам Церкви, которая требует разрыва общения со всеми теми, кто в общении с ересью. Вероятно, этот акт был продиктован неподдельной горячей любовью, ибо только настоящая любовь диктовала необходимость вразумления сербов о том, в какую страшную пропасть их ввергал

принятый ими экуменизм, - увещевание, которое в случае полного разрыва общения обрело бы еще большую силу...

С новой силой этот вопрос встал в 1974 году, во время Третьего Всезарубежного Собора в Джорданвилле. Святитель Филарет принял решение объявить Московский патриархат безблагодатным, но его убедили воздержаться от этого шага во избежание раскола. Архиепископ Антоний Женевский страстно выступил в пользу сохранения общения с Мировым православием. Святитель Филарет написал протоиерею Георгию Граббе, что он собирается уйти на покой в связи с разногласиями, которые у него имелись с многими епископами, однако его удалось разубедить. И это оказалось благом для всей Церкви, поскольку в 1983-м году он был во главе Синода, предавшего анафеме экуменическую ересь, – возможно, самое важное еkkлезиологическое решение на протяжении последних 70 лет.

Однако некоторые епископы во главе с Антонием Женевским только на словах (если вообще хотя бы отчасти) поддержали анафему, и после смерти святителя Филарета в 1985 г. от бывшего согласия по этому вопросу не осталось и следа. Антоний Женевский дал указание своим клирикам служить совместно с греческими новостильниками, в то время как он сам вместе с Марком Берлинским сослужил с сербами. В конце концов, в 1994-м году Синод вступил в полное общение с запрещенными и лишенными сана киприанитами, официально признав их еретическую еkkлезиологию, что, как указывает епископ Григорий (Граббе), скрытым образом отвергает анафему, вынесенную в 1983 г.

Нет сомнения, что общение с киприанитами подорвало духовную мощь РПЦЗ и подготовило к последующему объединению с Московским патриархатом и остальным кругом мирового православия в 2007 г. Естественно, что Катакомбная Церковь в Отечестве никогда не находилась в общении с какой-либо из церквей мирового православия. Если бы РПЦЗ уважало свое общение с Катакомбной Церковью и «православным епископством гонимья Церкви Российския», то в 1994 г. они бы воздержались от предательства, как и от любого общения с мировым православием. Но они не последовали за Катакомбной Церковью и потому заплатили высочайшую цену, отпав от Истинного Православия.

Б. Испытание признания Московского патриархата.

Последние бесспорные авторитеты Российской Церкви Патриарх Тихон и Митрополит Петр совершенно однозначно и полностью выразили свое отношение к безблагодатности обновленцев. Его Святейшество Патриарх назвал «Живую церковь» «институтом антихриста» и 15 июля 1923 г. предал ее анафеме, открыто заявив, что у нее нет благодати таинств. 15/28 июля 1925 года митрополит Петр в своем Послании вновь заявил:

"В Святой Божией Церкви законно и канонично только то, что благословлено Богоучрежденною Церковною властью, преемственно сохраняющейя от времен Апостольских. Все же самочинное, все, что совершалось обновленцами без соизволения в Бозе почившего Святейшего патриарха, все, что теперь совершалось без благословения Нашей мерности — местоблюстителя патриаршего, действующего в единении со всей православной законной иерархией, — все это не имеет силы по канонам Святой Церкви (Апостольские правила 34, 39), ибо истинная Церковь едина и едина пребывающая в ней благодать Всесвятаго Духа: не может быть двух Церквей и двух благодатей. "Единое тело и един Дух, якоже и звание бысте во едином уповании звания вашего. Един Господь, едина вера, едино крещение, един Бог и Отец всех" (Еф.4:4–6).

Духовные лидеры Российской Церкви видели тесную преемственность между обновленчеством «живой церкви» и нео-обновленчеством сергианской церкви, тем более что первые два «патриарха» сергианской церкви оба являлись бывшими обновленцами. Так, святой Нектарий Оптинский сказал о митрополите Сергии, который возглавлял и ранний раскол и стал первым «патриархом» нового: «Яд обновленчества всё еще в нём». Не может быть двух Церквей; и если Катакомбная Церковь – это есть истинная Российская Церковь, тогда Московский патриархат не может быть истинной Российской Церковью, а без сомнения является фальшивкой и захватчиком.

К концу Второй Мировой войны преимущественное большинство иерархов и священников Катакомбной Церкви согласились с этой точкой зрения. Хотя встречались еще немногие из тех, кто все еще полагал, что Московский патриархат имеет благодать, они представляли собой ничтожное меньшинство, которое не могло повлиять на соборное суждение Святых Новомучеников и Исповедников. Однако РПЦЗ не последовала за единодушным мнением своей Матери-Церкви в Катакомбах. Превалирующим отношением во времена митрополита Анастасия было отрицание любого общения с Московским патриархатом, но в то же время сохранение общения с теми церквями, которые находились в общении с Москвой, а также сдержанность в выражении суждений относительно Московского патриархата. Некоторые бывшие катакомбные христиане, которым удалось уехать на Запад, такие как профессор Иван Андреев, сетовали на столь вялую позицию РПЦЗ в отношении МП...

"Корни этой неуверенности надо искать в послевоенном притоке в РПЦЗ верующих-беженцев из СССР. Принимая их, Зарубежная Церковь практически не делала различий между катакомбниками и выходцами из МП. Некоторые из новичков, среди них даже и

епископы, оказались впоследствии агентами КГБ и либо вернулись в МП, либо остались в РПЦЗ вести разрушительную деятельность. Другие же, хотя и искренние в своих антисоветских настроениях, не были достаточно воцерковлёнными, чтобы распознать эkkлeзиологическую суть раскола Русской Православной Церкви в двадцатом веке. Таким образом, новые прихожане, члены второй волны эмиграции, качественно отличались от первой волны, и проблема только росла с приходом третьей и четвёртой волн: эмигрантов 1970-х, 80-х и 90-х годов.

«Эти изменения серьёзно повлияли на исповедническую позицию всей Зарубежной Церкви. Даже эмигранты первой волны поддавались обману, что случилось, например, со всеми епархиями РПЦЗ в Китае (за исключением Шанхайской, со святителем Иоанном во главе), которых советская пропаганда заманила в объятия советской «родины» и советской «церкви». Неудивительно, что более поздние поколения, знакомые только с советской действительностью, оказались ещё более подверженными пропаганде.»

Однако Катакомбная церковь испытала столько гонений со стороны советской власти и советской церкви, что для них, за несколькими исключениями, вопрос о признании советской власти либо советской церкви никогда не стоял и ни на каком разумном основании и не мог быть поставлен.

И снова во главе движения за признание так называемой «Матери-Церкви» Московского патриархата стал архиепископ Антоний Женевский. Следует подчеркнуть, что этот иерарх отказался следовать за Синодом, когда тот уезжал из Югославии в 1945-м году, и отступил из РПЦЗ в МП. Он вернулся в РПЦЗ четыре года спустя, эмигрировав в Швейцарию – переезд, представлявшийся очень подозрительным, который, вероятнее всего, не мог бы случиться без «благословения» советских властей. В октябре 1976 г. архиепископ Антоний, будучи у меня в гостях, утверждал, что МП имеет благодать, но не сумела «правильно воспользоваться» этой благодатью – как будто люди могут Бога «использовать» или «злоупотреблять им»... Некоторое время спустя я отправился в США, чтобы обсудить этот вопрос с нашими верховными иерархами. Митрополит Филарет сказал, что он (архиепископ Антоний) ошибается, но что он (митрополит Филарет) не может ничего с этим поделать, потому что «к моей голове приставлен пистолет» (указав на свой висок двумя пальцами). Далее он посоветовал мне съездить в Монреаль для разговора с архиепископом Виталием. Архиепископ Виталий принял сторону Антония Женевского... Позднее в том же году, когда Святитель Филарет приехал в Лондон, он сказал мне, что советская власть была предана двум анафемам (анафема 1918 г. против большевиков и сотрудничающих с ними, а

также анафема Катакомбной Церкви), и что я должен оставаться верным этим анафемам. Однако, сопровождавший его иерарх - Павел Штутгартский, признававший МП, в течение часа аргументировал эту свою позицию, в то время как святитель Филарет сохранял молчание... Только после этого я понял весь подвиг святителя Филарета, который продолжал возглавлять Церковь, в то время как епископы в его окружении (за редким исключением) не разделяли его убеждения. Стало очевидным, что после его смерти наступит катастрофа. И она пришла...

Хотя ныне широко распространено мнение о том, что последние два десятилетия существования РПЦЗ стали «золотым веком», это ни в коей мере не соответствует реальному положению дел. Совершенно ясно одно: с падением Советского Союза и принятием решения об открытии приходов РПЦЗ в самой России многие архиереи РПЦЗ оказались неспособными на окончательный выбор – то ли бороться против МП, то ли помогать ей; то ли это враг, то ли друг; то ли возлюбленная мать, то ли ненавистная мачеха. Этот процесс апостасии возглавил архиепископ Марк Берлинский, ученик архиепископа Антония Женевского, который также непостижимым образом смог перебраться на Запад из коммунистической Восточной Европы.

Как только РПЦЗ потеряла уверенность в том, что только она сама и Катакомбная Церковь являются единственными носителями Русского Православия, стала набирать силу тенденция к сохранению не Православия, а национальных особенностей русского народа – «русскости». Эта идея была обречена на провал в борьбе против МП. Заграничная Церковь, сколь угодно русская по духу, никак не могла заявлять себя более русской, чем та, которая находится в России. Заявления эмигрантов о своей русскости, особенно исходящие из уст немца архиепископа Марка, конечно, воспринимались как унижительные и раздражали людей в России, что дало МП прекрасную возможность для контратаки – она противопоставила себя, «исконно русскую», «американской» Зарубежной Церкви.

В результате всего этого, в тот самый момент, когда Господь призвал РПЦЗ вступить в открытую борьбу против МП за души русских людей на русской земле, зарубежники оказались неподготовленными, не уверенными в своей способности сражаться с таким врагом, не уверенными даже, враг ли это на самом деле. Этот настрой гарантировал крах миссии РПЦЗ в России. Ибо «если труба будет издавать неопределённый звук, кто станет готовиться к сражению?» (1 Коринф. 14, 8). Взирая больше на врага, чем на Господа, РПЦЗ начала исчезать в волнах, как Апостол Петр. Многие стали говорить, что пришло время «простить и забыть» и присоединиться к МП, по нехитрому правилу: «не можешь побить

врага, вступай в его ряды!» Таким образом, МП, чей авторитет серьёзно пошатнулся в начале 90-х, вновь обрела уверенность и вернула себе доверие общества.

Проблемы начались 3/16 мая, 1990 г., когда Синод РПЦЗ под началом митрополита Виталия (Устинова) издал Постановление, в целом строго антипатриархийное, но содержащее заявление о том, что в МП, тем не менее, могут быть истинные священники, которые осуществляют действительные таинства. Мысль о том, что в еретической церкви могут быть истинные священники, абсурдна с канонической точки зрения (см. Апостольское Правило 46, Первое каноническое послание святителя Василия Великого), и епископ Григорий (Граббе) немедленно потребовал удалить погрешность из документа. Но вред уже был нанесён.

Затем серьёзные проблемы возникли в отношениях между российскими архиереями РПЦЗ и зарубежными, навещавшими их; в одном случае, архиепископ Лавр, впоследствии ставший предателем, приехал в Суздаль, где уже был епископ РПЦЗ, – но вместо него отправился к местному епископу МП!...

Первый раскол случился в 1993 году. Он был улажен, но в 1995 году произошёл следующий раскол. В конце концов, после катастрофического Собора РПЦЗ в октябре 2000 г., когда МП была в открытую признана как Истинная Российская Церковь, и были подготовлены послания о воссоединении общения с ней, произошел третий раскол. Церковь разделилась на тех, кто стал подчиняться митрополиту Виталию и архиепископу Лазарю, считавшим, что только Катакомбная Церковь представляет Истинную Церковь внутри России, и тех, кто подчинился Митрополиту Лавру, одновременно искавшему общения с Москвой, который уже был готов идти вместе с предателями Истины на время, по крайней мере.

И вновь спасение для РПЦЗ зиждилось на преданности Катакомбной Церкви. Те из ее членов, кто остался верным Катакомбной Церкви и ее экклезиологии, остались в истине, в то время как те, кто последовал за Лавром, Марком или Илларионом остались в изоляции от Истинной Церкви и в общении с фальшивой церковью. Окончательное падение РПЦЗ в 2007 г. несомненно продемонстрировало, что делом принципиальной важности, не подлежащим никаким компромиссам, остается сохранение правильной экклезиологии, заявляющей, что еретики МП и мирового православия находятся за пределами Истинной Церкви и лишены благодати истинных таинств.

В. Испытание попытаться управлять Катакомбной Церковью из-за границы.

“С 1927 года, то есть с тех пор, как РПЦЗ прекратила вместе с Катакомбой Церковью евхаристическое общение с митрополитом Сергием и его организацией, РПЦЗ воспринимала Катакомбную Церковь как Истинную Православную Церковь России и сохраняла с ней молитвенное и евхаристическое общение, даже когда это общение было невозможно осуществлять в личных встречах и сослужении. После гибели в 1937 году митрополита Крутицкого Петра, последнего общепризнанного иерарха Российской Православной Церкви, РПЦЗ стала возносить на богослужениях «православное епископство гонимая Церкви Российския», имея в виду, конечно, епископат Катакомбной Церкви.

Однако после войны ситуация стала меняться. С одной стороны, всё реже и реже стали поступать новые сведения о катакомбных епископах и приходах – настолько редко, что в РПЦЗ были люди, сомневающиеся в существовании Катакомбной Церкви. Это дало возможность архиепископу Марку заявить в 1990-х, что Катакомбная Церковь прекратила своё существование в 1950-е годы. С другой стороны, некоторые катакомбные священники в России начали поминать митрополита Анастасия, в то время первого иерарха РПЦЗ. Оба эти явления послужили к тому, чтобы возникло представление (вполне объяснимое), якобы духовное руководство Истинным Русским Православием переместилось из России за границу, в РПЦЗ. Более того, престиж Катакомбной Церкви стал падать, потому что главная борьба происходила между «красной» Церковью в России (МП) и «белой» Церковью за границей (РПЦЗ). Идея же Катакомбной Церкви продолжала сохранять свою святость. Тем не менее, герои прошлого – новомученики 1920-1930-х годов – почитались гораздо больше, чем современные катакомбники. Кое-кто в РПЦЗ стал смотреть на катакомбников сверху вниз – не как на Истинную Церковь России, облеченную в пурпур сотен тысяч мучеников, а как на неграмотных сектантов, которых надо спасать. В 1990-е годы, увидев службы смиренных катакомбников в бедных, полутёмных квартирах, эмигранты, привыкшие к службам в величественных соборах за границей, стали относиться к катакомбникам едва ли не с презрением, во всяком случае, без уважения. Как можно было при такой бедности думать о возрождении Русской Церкви во всей её дореволюционной славе и величии?

Надо признать, что действительно Катакомбная Церковь остро нуждалась тогда в помощи. Несколько десятилетий непрерывных гонений сделали своё дело – членов Церкви было немного и они не были молоды, в ней было мало священников и почти не было епископов. Внедрённые агенты КГБ сделали всё возможное, чтобы рассорить между собой отдельные группы и внушить подозрение друг к другу. РПЦЗ, чей авторитет признавали все катакомбники, могла бы сослужить безценную службу, если бы восстановила апостольскую

преемственность, обучив новое поколение священников и поддержав их в новых условиях постсоветской России. Но успех во многом зависел от того, насколько тактично эта помощь была бы оказана. Когда была совершена первая хиротония для Катакомбной Церкви, и архимандрит Лазарь (Журбенко) был рукоположен во епископы, то сказали, что это было сделано «ради упорядочения церковной жизни в Катакомбной Церкви». Но что именно означало это «упорядочение»? Если бы архиереи РПЦЗ видели свою роль в том, чтобы оказать помощь катакомбникам тем же образом, каким они помогли грекам-старостильникам в 1969-1971, – то есть через восстановление их Церкви в качестве «сестры-Церкви», по выражению святителя Филарета Нью-Йоркского, тогда надежда на полезное сотрудничество могла бы осуществиться. В конце концов, ведь не только катакомбники нуждались тогда в помощи, но и сама РПЦЗ, которая после кончины святителя Филарета в 1985 году стала утрачивать веру и благочестие. Членам её надо было, по словам Господа в Апокалипсисе (3.18) «купить ... золото, очищенное огнём» гонений, а катакомбникам, прошедшим через пламя советских репрессий, было что предложить и чему научить своих зарубежных собратий. Однако уже на самом первом этапе знакомства возникло чувство, что РПЦЗ пришла на Родину не для объединения с Катакомбной Церковью и не для совместной борьбы за победу Истинного Православия в России, а для того, чтобы *занять её место* или, в лучшем случае, собрать осколки катакомб под своей властью...

Более того, в течение последующих лет Синод РПЦЗ стал воспринимать себя как *центральный орган руководства* Истинно-Православной Церковью России – несмотря на то, что этот «центр» находился вовсе не в России, а за тысячи миль в Нью-Йорке! Но каким образом Истинная Церковь внутри России может подчиняться и быть неотъемлемой частью Истинной Церкви за пределами России? Это какое-то невиданное новшество!

Более того, подобное новшество идет против не только *Основополагающего документа, или Положения РПЦЗ*, но также противоречит духу и букве канонического основания РПЦЗ – Указу № 362 от 1920 г., и пониманию святителя Филарета в отношении Катакомбной Церкви как полностью независимой «Церкви-сестры».

Пока был жив святитель Филарет, РПЦЗ официально оставалась в общении с Катакомбной Церковью и была верна ее исповеданию веры, признавая ее в качестве «Церкви-сестры», и стремясь только помогать ей, а не управлять ею. Такая помощь могла включать рукоположение епископов для нее по ее просьбе, а также, возможно, консультации и материальную помощь – но никак не административное управление *над* нею. В любом

случае, такое управление было невозможным из-за наличия «железного занавеса» и советских репрессий...

Однако после смерти святителя Филарета в 1985 г. и после открытия приходов РПЦЗ в России в 1990-м г., что подразумевало послушание епископам, находящимся за границей, возникла новая ситуация – и открылась новая большая каноническая проблема.

Проблема здесь ясна: как может РПЦЗ называть себя заграничной Церковью, если она имеет теперь приходы в России? В её основополагающем документе, *Положении*, сказано, что РПЦЗ – это автономная часть Автокефальной Российской Церкви, та часть, которая существует, во-первых, за пределами России на основе Указа №362 от 7/20 ноября 1920 года, изданного Патриархом Тихоном и Святейшим Синодом Русской Православной Церкви, во-вторых, временно – пока не падёт в России коммунистический режим. Так Архиерейский Собор РПЦЗ 1956 года заявил, что «Русская Православная Церковь за границей – это неотъемлемая часть Поместной Российской Православной Церкви, самоуправляемая Синодом временно, до отмены атеистической власти в России, в соответствии с Указом № 362 от 7/20 ноября 1920 года святейшего Патриарха, Святейшего Синода и Всероссийского Церковного Собора». С падением коммунизма и созданием приходов РПЦЗ в России в 1990-1991 годах указанные временные и пространственные ограничения исчезли. Таким образом, РПЦЗ перестала быть церковной организацией, временно существующей за пределами России, как это сказано в её же собственном *Положении*.

Решение этой проблемы представляется вполне очевидным: изменить Положение (и, возможно, также изменить название Церкви и убрать слово «зарубежная»). И это решение было предложено ведущим знатоком канонов в РПЦЗ епископом Григорием (Граббе), однако епископат РПЦЗ отклонил его предложение, и *Положение* осталось неизменённым. Почему? У нас нет прямых свидетельств, на которых мы могли бы обосновать свой ответ на этот вопрос, но мы приведём свои размышления, в которых используем анализ событий начала 1990-х годов. Устранение временных и пространственных ограничений в *Положении* заставило бы РПЦЗ определить себя как *единственную* истинную Российскую Православную Церковь, что привело бы к перенесению её административного центра из Штатов в Россию и к борьбе с МП - не на жизнь, а на смерть за умы и сердца русских людей. Однако архиереи РПЦЗ не были готовы принять такие последствия...

Так, несмотря на неоднократные просьбы епископов внутри России, митрополит Виталий отказался посетить Церковь на Родине, опасаясь, что его могут убить. Опять же, как мы уже видели, значительная часть епископата, возможно, большинство, уже не видели в МП

врага, но только Матерь-Церковь. И поэтому, вернись они в Россию, они могли ждать не борьбы с той самой МП, а, напротив, ожидали бы почетное положение *внутри* МП – и они могли успокаивать свою совесть тем, что принесли бы с собой «зарубежную духовность» и «истинную русскость» неотесанным «совкам», выросшим в бывшем Советском Союзе... Еще одним мотивом их предательства, возможно, стали их материальные интересы: они были хорошо организованы за границей, будучи экономически всё более зависимы от пожертвований местных жителей, переходящих в Православие. За редким исключением, епископы РПЦЗ не хотели отказаться от обеспеченной и безопасной жизни на Западе и согласиться на неустойчивое и полунищенское существование в России, где, несмотря на своё шаткое положение, коммунизм всё же продолжал занимать ведущие позиции в Церкви и правительстве. Конечно, весь смысл существования РПЦЗ состоял в возвращении в Россию (эта Церковь раньше называлась Российская Церковь *в Изгнании*, а изгнанники по определению хотят вернуться на Родину). Именно ради этого возвращения РПЦЗ стремилась сохранить свою национальную идентичность и постоянно отказывалась от объединения с другими Поместными Церквами или от создания местных юрисдикций в западных странах, таких, например, как Православная Церковь Америки, отколовшаяся от РПЦЗ. Но десятки лет прошли с тех пор, как потомки первой волны эмиграции осели в западных странах. Новые поколения русских православных эмигрантов глубоко пустили корни в новую почву, стали говорить на европейских языках, жить по западным стандартам. Многие создали семьи с нерусскими или даже неправославными европейцами. Бывшие изгнанники обрели свой дом на Западе и стали чужими своей собственной земле...

Первоиерархом Катакомбной Церкви был архиепископ Лазарь. Он считал, как пишет Сергей Шумило, что даже в качестве автономного, Синод РПЦЗ не имеет канонических оснований на постоянное независимое существование без Церкви в России. А о зависимости Церкви в России от временного автономного заграничного церковного управления с канонической точки зрения не могло быть и речи. Можно говорить лишь о восстановлении Высшего церковного управления в России при участии РПЦЗ и получении через него канонического основания на существование Церкви-диаспоры, находящейся за пределами России.

«Только Церковь *непосредственно в России* может называться *поместной* и обладать правом Высшего церковного управления. Поэтому после восстановления полноты своей иерархической структуры она уже никоим образом не должна была и не могла канонически управляться автономиями вне России. В то же время, каноничность РПЦЗ, даже как

автономии, зависит от существования в России Поместной Церкви. Поэтому РПЦЗ до развала коммунистического режима твердо заявляла о своей связи с реально существующей Катакомбной Церковью в России и на основании этого объявила себя автономной по отношению к ней, оставаясь автокефальной лишь относительно других Поместных Церквей, ибо была частью Поместной Российской Церкви» («Миссия РПЦЗ и Катакомбная Церковь»).

Чтец Владимир Мосс